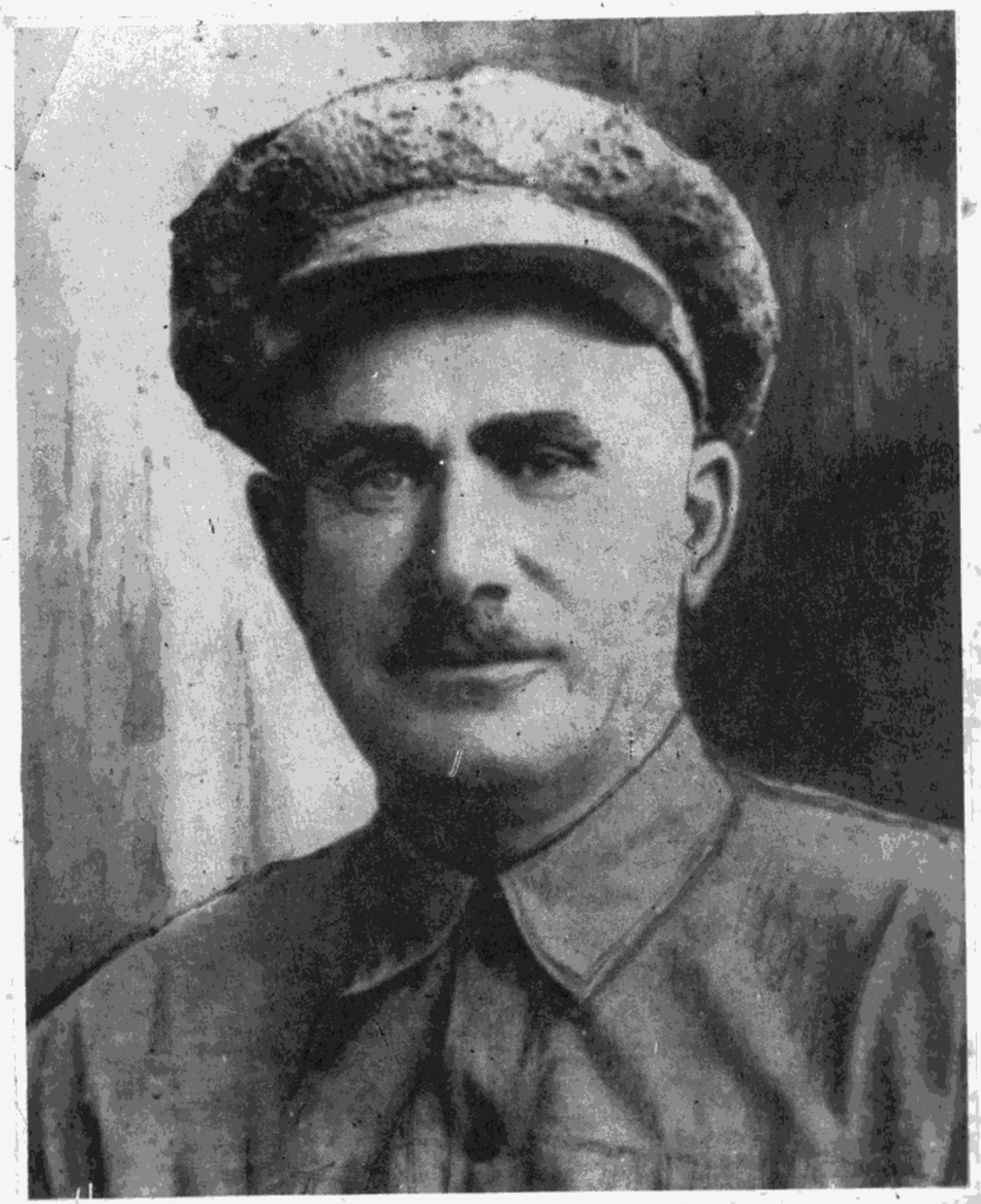
Б3.3(БАБ)
Б27

СИМОН БАСАРИЯ

63,3(6АБ)
Б27



3634

СИМОН БАСАРИЯ

БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК
СТАТЬИ

СУХУМИ
ИЗДАТЕЛЬСТВО «АЛАШАРА»
1984

БИБЛИОТЕКА
АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА
ГУМАНИТАРНЫХ
ИССЛЕДОВАНИЙ

Автор биографического очерка и составитель сборника член-корреспондент АН Грузинской ССР, профессор Г. А. Дзидзария

Настоящая книжка выходит в связи с 100-летием со дня рождения Симона Петровича Басария — видного общественного деятеля, педагога, ученого-краеведа и писателя. Она состоит из двух частей — биографического очерка и его публицистических статей. Последние печатаются выборочно.

По тем или иным причинам отдельные статьи даны в сокращенном виде. В книжку не вошли статьи, опубликованные в «Избранных сочинениях» С. П. Басария, вышедших в Сухуми в 1967 году.

В биографическом очерке анализируются отдельные дореволюционные статьи С. П. Басария, даются библиографические сведения на статьи, которые не рассматриваются в очерке или не включены в предлагаемую книжку.

М 623 (06) 84

© Издательство «Алашара», 1984

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Биографический очерк

Имя Симона (Махаида) Петровича Басария, видного педагога, ученого-краеведа и писателя, неразрывно связано с развитием культуры абхазского народа после установления Советской власти в крае.

С. П. Басария родился 8 декабря 1884 года в селе Кутол Кодорского (Очамчирского) участка, в семье крестьянина. Симону было десять лет, когда его определили в Бедийскую церковноприходскую школу. После ее окончания он продолжил учебу в Сухумской горской школе. В 1897 году его как лучшего выпускника направили в Закавказскую учительскую семинарию в Гори.

После блестящего окончания семинарии, в 1902 году, С. П. Басария направили в черкесское село Касиевское Кубанской области преподавателем русского языка и географии, а в 1903 году его перевели в Армавирское высшее начальное училище.

Армавир уже тогда являлся значительным промышленным центром, где большевики имели сильное влияние. Начальник Кубанского областного жандармского управления в рапорте от 12 октября 1905 года на имя наместника Кавказа сообщал, что учителя «из красных» в Армавире организовали политический кружок, членами которого обсуждается нелегальная литература и распро-

страняются прокламации революционного содержания. Особенно травил революционно настроенных учителей своими доносами смотритель-директор училища Избаш. Перечисляя известных ему членов указанного кружка, он упоминает и С. П. Басария.[1]

В сентябре 1905 года бастовали учителя и учащиеся во всех армавирских учебных заведениях. Но вскоре и здесь революционные выступления трудящихся были жестоко подавлены. С. П. Басария обвинялся, вместе с группой других педагогов в антиправительственной деятельности.

С. П. Басария постоянно углублял свои знания. Периодически проходил он высшие общеобразовательные курсы в Москве (1908—1909 гг.), Армавире, Анапе и других городах. Басария сдал специальный экзамен за курс педагогического института.[2]

Симон Петрович внимательно следил за положением дел в родной Абхазии. Он получал всю печатную продукцию, выходившую в Сухуме, а также подробную информацию от своих друзей. В одном из его писем (от 20 января 1909 года), адресованном А. М. Чочуа, он писал:

«Друг!.. Давай начнем переписку. Ведь мы когда-то друг друга любили. Пиши обо всем. Я служу в самом бойком месте Кавказа. Армавир — культурный центр Северного Кавказа».[3]

В 1910 году «Московским обществом распространения технических знаний» С. П. Басария в составе большой группы (2500 чел.) народных учителей был направлен за границу для изучения постановки начального об-

[1] См.: Учительство Северного Кавказа в 1905 году. Сборник. Ростов-на-Дону, 1925, с. 25—26.

[2] ЦГА Абхазской АССР, д. 28, лл. 24—26 (Автобиография С. П. Басария).

[3] Там же, л. 2.

разования. Побывал он в Германии, Австро-Венгрии, Швейцарии и Италии. Кстати, тогда же он «перевалил» через Альпийские горы. Басария путешествовал также по Северной Африке и Турции. Он изрядно исколесил и Российскую империю.

Вернувшись на Северный Кавказ, С. П. Басария продолжал работать в разных школах, в том числе национальных (абазинских, черкесских и других).

Молодой талантливый педагог пользовался большим уважением среди трудового населения. Когда в 1916 году в селе Лыхны было открыто высшее начальное училище, инспектор народных училищ Сухумского округа (Абхазии) Ф. Я. Аникин рекомендовал на должность заведующего училищем С. П. Басария как имеющего соответствующее образование, опытного педагога и прекрасного знатока абхазского языка. Однако попечитель Кавказского учебного округа признал, что такое назначение состояться не может»[4].

Рано началась и активная научно-публицистическая деятельность С. П. Басария. Он стал корреспондентом Петербургской академии наук, начал печататься на страницах целого ряда кавказских газет[5] и журналов[6], выступая большей частью под псевдонимом «Симон Апсуа», а также «Махаид Апсуа». К 1917 году Басария успел написать несколько десятков статей на самые различные темы. Они были полны беспокойства прежде всего за судьбу многострадального родного края.

[4] Там же, ф. 27, д. 143, л. 5, 8, 18.

[5] **Отклики Кавказа** (Армавир), **Голос Кавказа** (Тифлис), **Кавказский край** (Пятигорск), **Утро Кавказа** (Екатеринодар), **Черноморский вестник** (Батум), **Батумский голос, Батумские новости, Батумские вести, Сухумский вестник, Сухумские вести, Сухумский листок, Тифлисский листок, Кубанский край** (Екатеринодар) и др.

[6] **На Кавказе, Кубанская школа** (Екатеринодар).

С. П. Басария волновала и участь тех абхазов, которые волей судьбы в XIX столетии оказались на чужбине (махаджиры). «Переселение,— писал он,— было стихийное: племена уходили, не давая себе отчета, куда и зачем идут... Горец покинул родной очаг и священный аул, где предки его жили счастливой жизнью. Невыразимое горе на его лице; все любимое он взял с собою: с ним грустный, задумчивый конь, любимое животное — барашек, с ним сын, дочь и священное оружие, послушный исполнитель его воли».[7] В статье «Горцы Кавказа в Турции» Басария подчеркивал тяжелую жизнь и глубокое разочарование горцев на «обетованной» земле. Будучи в Стамбуле, он беседовал с абхазскими студентами, которые «с горечью в сердце вспоминали свою милую «Страну души» [Абхазию].[8]

С. П. Басария как «горец Кавказа, истый абхазец», «хорошо знал» «быт и тайники души» родного народа. В одном из своих выступлений в печати он подчеркивал, что его «скромное мнение» основано «на знании психики, прошлого и настоящего быта всех абхазских племен».[9] Он глубоко интересовался проблемами прошлого абхазского народа. Так, например, в его статье «Забытый край»,[10] посвященной 100-летию присоединения Абхазии к России, очерках рассматриваемого периода — «Экскурсия в область истории [Абхазии]», «Абхазия», «Вымершие народы» (Убыхи и садзуа)[11] и ряде других публи-

7 Сухумские вести, 1913, 23.V.
8 Там же, 1913, 25.I.
9 **Апсуа С.** Свет и тени (Об Абхазии и абхазцах). — Сухумский листок, 1912, 18.XI.
10 См.: На Кавказе, 1910, т. 2-й, №№ 7—8, с. 294—298.
11 Кавказский край, 1909, 27, IX. Статья написана в основном по работе П. К. Услара «О языке убыхов» (Этнография Кавказа. Языкознание. Абхазский язык. Тифлис, 1887).

каций красной нитью проходит мысль о прогрессивном присоединении Абхазии к России.

Пожалуй, особенно ярко выражена она в статье «Абхазия». «Абхазия в настоящее время,— говорится в ней,— благодаря русской культуре, представляет мирный уголок на берегу Черного моря, тогда как ранее, до присоединения к России, она служила ареной военных действий... Положение, в которое Абхазия поставлена внешними врагами, было безвыходное, и она сама собою, без помощи извне, не могла спасти свою индивидуальность. Единственной опорой, якорем спасения, послужила Россия. В 1810 году Абхазия вступила в подданство России...»

Говоря с большим уважением о «серьезных русских писателях», создавших ценные труды по истории края, С. П. Басария в то же время выступал против тех «бытописателей», которые «не только не способствовали делу единения Абхазии с коренной Россией, но старались вызвать в русском читателе отвращение к этим людям»[12]. В статье «Горцы Кавказа и кинематограф»[13] он с возмущением пишет: «Казалось, кинемо должен был оказать большую услугу в деле действительной фотографии удивительных, многообразных проявлений разнообразных особенностей жизни горцев Кавказа, но на деле театр мимики пока оказывает обратную услугу, извращая и преподнося публике все то, чего нет и не было в жизни горцев... В литературе авторы сознательно допускали предвзятые взгляды в описании жизни» горцев, «кинемо же воспользовался горцами; как более сенсационным материалом, ему нет дела до точности копирования передаваемого события или происшествия». В свя-

12 На Кавказе, 1910, т. 2-й, №№ 7—8, с. 294.
13 См.: Отклики Кавказа, 1914, 21.I.

зи с этим, «учитывая весь нежелательный вред превратного освещения биографии жизни горцев и желая дать русской публике более точные сведения, доступные зрительному ощущению», группа интеллигентов Северного Кавказа, по сообщению Басария, «нашла желательным инсценировать творения народного эпоса».

С. П. Басария обращал внимание широкой общественности на разграбление богатств Абхазии «толстосумами» — капиталистами Российской империи, и даже Европы, этими «искателями «золотого руна»».

Его возмущало «пренебрежительное отношение начальников к абхазскому населению», «административное глумление».[14] О «способах управления» Кавказским краем Симон Петрович писал и в статье «50-летний юбилей Западного Кавказа», подчеркивая, что «бесцеремонность в обращении с населением местных властей доходила до безобразия» и «говорить о невероятном, чудовищном разгаре полицейских чинов в... крае, значило бы писать огромные статьи»[16]. В своей корреспонденции о съезде населения Кодорского участка, состоявшемся в селе Моква 25 июля 1910 года, он сообщает, что ораторы приводили «массу фактов лихоимства, истязания, глумления над личностью и т. д.»[17]

Предметом интересов Басария была также «умственная работа великих людей» — например, Чарльза Дарвина, который, «работая настойчиво в течение 40 лет, вызвал переворот в науке. Вдохнул новую жизнь в науку...»[18].

С. П. Басария осуждал старую систему обучения, ра-

14 См.: Сухумские вести, 1911, 3.XI.
15 См.: Отклики Кавказа, 1911, 11.VII.
16 Там же, 1914, 3.VI.
17 Там же, 1910. 13.VIII.
18 Кавказский край, 1909. 1.XI.

товал за новую школу. «Ненормальность аульных школ,— писал он,— всем известна. Училища эти именуются «школами без учебников». И, кажется, существуют они только для отчетности...»[19]. Он ссылается на мнение абхазского населения «о непригодности этих школ и о желаемом типе школ», высказанном на собрании представителем сел Абжуйской Абхазии в селе Моква 20 августа 1913 года.[20]

Поднимая роль учителя на принципиальную высоту, Басария в некрологе, посвященном армавирскому педагогу И. В. Долгову, писал: «Много пережила наша русская школа разных перемен, новых начинаний, временных переделок за последнее 50-летие; казалось, это неустойчивое шатание взглядов на цель школы должно было отразиться отрицательно на личности ее работника — учителя, но в лице Ивана Васильевича мы видим учителя.., чуждого рутины и схоластики».[21]

Симон Петрович ставил вопрос об улучшении преподавания родного языка, резко выступая против тех официальных лиц, которые препятствовали этому. Он снова приводит слова представителей абхазских сел, которые заявляли: «Мы в свое время с радостью встретили известие о том, что преподавание нашего языка сделано обязательным. Мы думали, вот, наконец, наши дети будут читать разумные книги на родном языке, но ликование наше сменилось горьким разочарованием».

Басария делает достоянием общественности, в частности, тяжелое положение в Сухумской горской школе, в которой тогдашний смотритель-директор создал прямо-таки «ужасный режим». Этот «сумасбродный педа-

19 Кубанская школа, 1915, № 3, с. 164—167.
20 См.: Сухумский вестник, 1913, №№ 278, 279.
21 Кубанская школа, 1915, № 8, с. 147, 148.

гог» задался целью «убить в мальчике-горце все живое». И его «политика... скоро дала всходы: в школе поднялся мятеж», и «мятежники одержали блестящую победу...». Однако на другое утро начальник Сухумского округа (он же председатель педагогического совета) полковник Беккер «восстановил порядок»[22].

Приветствуя в принципе выставки ученических работ, С. П. Басария требовал самого серьезного отношения к этому делу. Он резко критиковал, например, выставку работ на съезде учителей в Армавире 15—16 апреля 1910 года. «Все это,— заключал он,— говорит о том винегрете знаний, которыми пичкают учеников... Но интересно было бы знать ту программу, которую прошел учитель».[23]

В своих корреспонденциях из-за границы, а также в докладе на учительском съезде в Армавире в апреле 1910 года С. П. Басария отмечал «злоключения» экскурсантов-учителей. Даже московская комиссия по организации заграничных экскурсий учителей констатировала: «Наш экскурсант ходит в цветной рубашке и без пиджака потому, что у него не на что купить...»[24].

С. П. Басария не раз обращал внимание на тяжелое материальное и моральное состояние народных учителей. Одну из своих статей он назвал «Бегство учителей», в которой вопрошает: «Кому неизвестна участь обездоленных, живущих в каторжном труде и бедности народных учителей?» И далее отмечает: «Материальная необеспеченность, полная зависимость от всех, кто только имеет желание властвовать над учителем и абсолютное отсутствие каких-либо гарантий личности, делают звание учителя самым неблагодарным, самым тяжелым...»

---

22 **Апсуа С.** 50-летний юбилей Западного Кавказа.— Отклики Кавказа, 1914, 25.V.

23 **Апсуа С.** О педагогической выставке.— Там же, 1911, 29.II.

24 **Апсуа С.** К поездке русских учителей за границу.— Там же, 1911, 18.II.

В статье «Школьная жизнь» Басария также подчеркивает: «Известно, что участь народных учителей, прозябающих в бедности и непосильном труде, всюду безотрадная... Особенно плачевно-жалкое положение закавказских учителей...»

Необычайно «тяжела жизнь скромного сельского педагога: ведь всегда и везде звание сельского учителя материально самое неблагоприятное».[25]

Общий вывод С. П. Басария в вопросе постановки школьного дела «в желательном направлении» сводится к следующему: «Школа не только подготавливает единичных деятелей, она влияет на весь народ, если только находится с ним в тесной и непрерывной связи».[26]

Большой интерес вызывает цикл статей С. П. Басария, посвященных экскурсиям народных учителей России за границу в 1910 году.[27] Это путешествие имело важное познавательное значение для Симона Петровича и его коллег. Экскурсанты знакомились с достопримечательностями и культурными учреждениями (музеи, Венский университет, картинные галлереи и др.) ряда европейских государств, а также слушали специальные лекции и беседы об искусстве и т. д. Словом, как писал сам Басария в статье «Заграничные образовательные экскурсии народных учителей» (I.VI.1910), они «отправились в зарубежные страны с целью столкнуться с иной жизнью, расширить свой горизонт, углубить свой опыт, приобрести иные подспорья в воспитании юного поколения».

---

25 **Апсуа М.** Абхазия.— Черноморский вестник, 1901, 17.VIII.

26 Там же.

27 Они публиковались под названиями «Образовательная заграничная экскурсия народных учителей», «Русские учителя за границей» и «К поездке русских учителей за границу» (См.: Отклики Кавказа, 1910, №№ 197, 200, 209, 219; 1911, № 39).

С. П. Басария ратовал за благоустройство населенных пунктов. В одной из своих корреспонденций он, например, о местечке Очемчиры, писал: «При виде Очемчиры вами даже овладевает некоторая грусть... Еще издалека вам кажется, что местечко увязло не то в земле, не то в болоте... Мало заботятся в Очемчирах и о школьном деле... Единственную школу они содержат в отвратительном виде»[28]. В другой своей статье, отмечая печальное состояние Очемчир, С. П. Басария писал иронически: «Нельзя упрекнуть очемчирцев в отсталости: у них два фонаря, кафе «Америка» и «нормальное двухклассное училище... Здесь нет ни читальни, ни библиотеки и даже в «Америке» нет ни одной газеты...»[29].

С. П. Басария волновал и вопрос о постройке Черноморской железной дороги. Это хорошо видно, например, уже из названия одной его статьи — «Отсрочка постройки Черноморской железной дороги есть залог дальнейшего прозябания побережья».[30]

Симон Петрович писал также о «медицинской беспомощности» абхазского населения. Он неоднократно обращал внимание читателей на жалобу жителей его родного села Кутол (Квитаул), поданную ими директору канцелярии наместника Кавказа летом 1909 года, в которой говорилось: «Гибнем мы из-за отсутствия медицинской помощи. Для нас недоступны как врачи, так и медикаменты»...[31]

Басария приводит и такие разительные факты: «На обширные нужды населения в медицинской помощи отпущено всего 150 р. на медикаменты, или: на одного жителя Кодорского участка в год расходуется на одну

28 Отклики Кавказа, 1910, 14.VIII; Сухумские вести, 1911, 20.VIII.
29 Отклики Кавказа, 1910, 15.VIII.
30 Сухумские вести, 1913, 23.V.
31 Подробнее см., напр., в прилагаемой статье «Село Тамыш».

копейку лекарств». Он мечтал об открытии для этого участка аптеки, о том, чтобы иметь здесь хотя бы одного врача и акушерку.[32]

С. П. Басария восхищался «эстетически настраивающей чувства» прекрасной природой Абхазии. Ее описанию он отводит немало мест. «Кто не восхищался дивной Абхазией — этой давно воспетой частью «Пламенной Колхиды!» По своей роскошной растительности и очаровательным видам эта местность давно заслуживала имя «перла Кавказа». Туристу, едущему на пароходе из России, сразу бросается в глаза контраст между ландшафтами Черноморской губернии и Абхазии»[33].

С. П. Басария интересовался действиями на германском фронте так называемой «Абхазской сотни». Он намеревался дать ряд статей об этом формировании, и первую из них — «Рыцари без страха и упрека» — опубликовал на страницах газеты «Отклики Кавказа» 6 апреля 1916 года, а вторую, напечатанную в той же газете 23 июля, посвятил памяти своего друга — корнета К. Ш. Лакербай, павшего смертью храбрых 15 июня 1916 года.

В одной из статей С. П. Басария рассматриваемого периода речь идет о факте из семейной жизни турецкого султана Абдул-Хамида II. Она была опубликована в газете «Отклики Кавказа» (13 августа 1910 года) и печаталась на страницах «Батумских вестей», «Утра Кавказа», «Голоса курортов» и «Сурандак» (на армянском языке, Тифлис), а через последнюю — в зарубежных газетах. Статья была написана, по сообщению Басария, в результате его «личной беседы с Р. Хахубия на его род-

32 **Апсуа С.** Село Тамыш. Медицинская беспомощность. — Сухумские вести, 1911, 31.VIII.
33 **Апсуа С.** Местечко Очемчиры. — Отклики Кавказа, 1910, 14.VIII.

ном абхазском языке»[34]. И самое интересное в статье — это сведения о самом Хахубия. «Лицо это — Реджеб Хахубия, самурзаканец (из села Бедиа.— Г. Д.) ему около 100 лет, он известен у всех горцев Кавказа... Отличился не раз во время русско-турецкой войны и был взят в плен турками, но бежал из Константинополя. После этого долгое время был в опале у русского правительства... был амнистирован только два года тому назад. Человек он колоссального природного ума и огромнейшей памяти... Реджеб Хахубия, можно сказать, является воплощением всего горского: в нем беззаветная храбрость, неподкупная справедливость и удивительная энергия. Личность эту можно назвать феноменальною еще вот почему: на 75 году жизни у него выпали постоянные зубы и выросли новые. В настоящее время ему на вид нельзя дать и 60 лет, он все такой же, как в молодости, лихой наездник и отличный стрелок».

Назовем и те статьи С. П. Басария, которые по той или иной причине не вошли в сборник. Это — «Летучая команда»[35], «Профессиональные болтуны»[36], «Очемчиры»[37], «Армавирский погром в 1905 г.»[38], «Торжество Абхазии»[39], «Опять в Абхазии»[40], «Похороны героя — поручика Шонажокова»[41], «Несколько слов о нормальных аульных школах»[42], «Вашему вниманию»[43] и др.

34 **Басария С.** Редакциям газет «Утро Кавказа» и «Голос курортов».— Отклики Кавказа, 1910, 10.X. Р. Хахубия — один из «героев» и статьи «Редкие случаи долголетия в Абхазии», вошедшей в его «Избранные сочинения» (Сухуми, 1967).

35 Отклики Кавказа, 1910, 13, 14.VIII.

36 Кавказский край, 1911, 7.II.

37 Сухумские вести, 1911, 20.VIII.

38 Там же, 1911, 25.IX; 8, 9.X.

39 Сухумский листок, 1912, 25.XII.

40 Сухумский вестник, 1913, 9.VIII.

41 Отклики Кавказа, 1914, 4.IX.

42 Кубанская школа, 1915, № 3, с. 164—167.

43 Отклики Кавказа, 1917, 10.II.

С 1917 года наступает перерыв в публицистической и вообще в творческой деятельности С. П. Басария, который продолжается до установления Советской власти в Абхазии.

После Февральской революции 1917 года С. П. Басария избирается членом Армавирского комитета общественной безопасности. В августе того же года он переезжает в Абхазию.

Под воздействием Великой Октябрьской социалистической революции в Абхазии наступает время бурных революционных событий. Одновременно происходит консолидация сил контрреволюции. В Сухуме Басария сближается с прославленным впоследствии героем гражданской войны, верным сыном чеченского народа Асланбеком Шериповым. Оба они, увлеченные идеями национального возрождения своих народов, ошибочно возлагали большие надежды на буржуазно-помещичие организации — Союз объединенных горцев Кавказа и Абхазский народный совет. Причем они являлись авторами «Декларации» и «Конституции» последнего.

Но ход исторического развития рассеивает эти заблуждения. Шерипов, по словам Е. А. Эшба, прошел «путь от наивного националиста-революционера до большевика-коммуниста», сложив в 1919 году «свою голову в битве с белыми».[44] Басария, который довольно скоро порывает с названным Советом, по-своему бунтует против буржуазно-меньшевистской диктатуры. Уже в середине февраля 1918 года, когда в Сухуме была сделана попытка установить власть Советов, он вошел в состав Военно-революционного комитета.[45] Через некоторое время Басария снова уезжает на Северный Кавказ.

44 **Эшба Е.** Асланбек Шерипов. Грозный, 1929, с. 13, 16.

45 См.: **Лакоба Н.** Искры Октябрьской революции в Абхазии.— К истории революционного движения в Абхазии. Сборник. Сухум, 1922, с. 13.

Оценивая свою позицию тех лет, Симон Петрович в начале марта 1921 года писал, что с установлением меньшевистской власти в крае он «лишен был возможности вести постоянную работу у себя на родине». Далее писал Басария: «Много было у меня комбинаций избавиться от меньшевистского господства и таким образом дать народу жить так, как ему хочется, но осуществить не удалось. За три года вне своей родины мне много пришлось переболеть душой и передумать головой; одно ясно стало для меня — создалась новая сила, новая правда в лице Советской власти... идея коммунизма будет бессмертна и облетит обе половины земного шара; это мое убеждение здесь — в Абхазии и там — в Советской России».[46]

В августе 1918 года меньшевистские карательные отряды взрывают бомбами дом отца Симона Петровича в селе Кутол, предав огню все его имущество, как и некоторых других крестьян.

В конце 1918 года С. П. Басария едет в Стамбул[47], откуда в январе 1919 года возвращается в Батум, затем едет в Туапсе. Вернуться же в Абхазию он не мог. Басария снова начал работать в Армавирском высшем начальном училище.

В октябре 1920 года С. П. Басария встречается с группой проезжавших через Армавир грузинских деятелей, среди которых, по его утверждению, был и композитор З. П. Палиашвили. Симон Петрович присоединяется к ним, и при содействии Г. К. Орджоникидзе все они направляются в Грузию.[48]

25 октября 1920 года С. П. Басария прибыл в Сухум[49] с намерением включиться в активную революционную работу. Однако по распоряжению министра внутренних дел меньшевистской Грузии Н. Рамишвили он был немедленно выслан в Тифлис. Симона Петровича пытались заставить поступить на официальную службу. Но Басария был непоколебим, хотя и оказался без всяких средств к существованию. Ему приходилось жить исключительно на деньги, собранные его друзьями Д. И. Алания, А. И. Чукбар и другими общественными деятелями Абхазии. В декабре 1920 года С. П. Басария получает, наконец, разрешение выехать в Абхазию, но при этом с него берут подписку в том, что он не будет являться ни на какие крестьянские сходы и будет безвыездно жить в родном селе Кутол.[50]

Вскоре повсеместно развернулась вооруженная борьба трудящихся. Симон Петрович незамедлительно ускользает от местных меньшевистских властей. За рекой Кодор он встречается с наступающими частями Красной Армии. С этого момента Басария отдает все свои силы становлению молодой Абхазской республики, осуществлению революционных преобразований.

Обладая неутомимой натурой, С. П. Басария — человек широкого кругозора и больших знаний — стремился принять самое активное участие во всех важных делах, направленных на поднятие культурного уровня народа.

Симон Петрович был первым председателем Центрального комитета Союза работников просвещения и социалистической культуры, членом коллегии Народного комиссариата просвещения Абхазии. Он часто ездил в Тифлис для ознакомления с постановкой народного просвещения в центре, изыскания учебников и учебных по-

[46] ЦГА Абхазской АССР, ф. 38, д. 8(16), л. 2.
[47] Там же, ф. 38, д. 8(16), л. 4.
[48] Там же, ф. 833, д. 28, л. 25.
[49] Газета «Апсны» (1920, 30 X.) опубликовала сообщение «О приезде Симона Басария», в котором говорилось, что на днях на страницах ее он расскажет о жизни населения Армавира.
[50] ЦГА Абхазской АССР, ф. 833, д. 28, лл. 25, 26.

3634
БИБЛИОТЕКА АБХАЗСКОГО ИНСТИТУТА ГУМАНИТАРНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

собий. Басария сыграл важную роль в подготовке первых абхазских национальных кадров для нужд народного хозяйства и культурного строительства в учебных заведениях Тифлиса.

С его именем связана подготовка и первых учителей в самой Советской Абхазии. В течение многих лет он являлся преподавателем, заместителем директора и директором Абхазского педагогического техникума. Симон Петрович создал слаженный работоспособный педагогический коллектив, добился улучшения всей учебно-воспитательной работы, обеспечения необходимых материальных условий жизни учащихся.

Внешне сдержанный и спокойный, Симон Петрович был очень принципиальным, непримиримым противником любого проявления лжи и обмана. В то же время он был человеком исключительной чуткости, отзывчивости.

С. П. Басария выступает и как блестящий педагог. Он преподавал в техникуме такие предметы, как страноведение, краеведение, история Абхазии, экономическая география, методика преподавания абхазского языка, методика преподавания географии, педагогика. Симон Петрович руководил кружком по изучению флоры, фауны, этнографии родного края. Под отеческим наблюдением и заботой С. П. Басария находилась также работа абхазского литературного кружка. В декабре 1924 года на торжественном собрании членов кружка, с участием представителей абхазской интеллигенции города Сухума, с собственными стихами выступал учащийся техникума поэт Иуа Когония, который одно время был его руководителем. Впоследствии в этом кружке получили свою первую литературную закалку и другие наши замечательные поэты: Баграт Шинкуба, Леонтий Лабахуа, Киазым Агумаа и другие.

С. П. Басария придавал большое значение трудово-

му воспитанию учащихся. С этой целью и для улучшения питания учеников он организовал образцовый пришкольный участок, который обеспечивал техникум овощами. Имелась также большая пасека.

Народный поэт Абхазии Б. Шинкуба в своем известном автобиографическом очерке «Следы годов» характеризует С. П. Басария как прекрасного педагога и воспитателя.

С. П. Басария вел большую «культурно-просветительную работу в городе и, главным образом, в деревне».[51] Он часто выезжал и в родное село Кутол, где иногда, на лоне чудесной природы, проводил свой отпуск.

В последние годы своей жизни Симон Петрович работал директором Абхазского филиала Института усовершенствования учителей Грузии, отдавая все свои силы и знания делу повышения педагогического мастерства работников школ республики.

Еще в 1927 и 1929 годах Басария на методических курсах учителей абхазских школ вел курс методики объяснительного чтения. Эти лекции в 1929 году вышли в Сухуме отдельной книжкой под названием «Методические беседы» (на абхазском и русском языках).

Симон Петрович придавал большое значение интернациональному воспитанию учащихся. Он предлагал с педагогическим тактом раскрывать отрицательные стороны патриархальной жизни абхазских крестьян в смысле коренного изжития предрассудков, пережитков прошлого. «Наивреднейшими, — писал Басария, — разоряющими крестьянское хозяйство, убивающими все хорошее, культурное в наших нравах и обычаях надо признать: 1) годовые поминки — «апсхура», 2) похоронные церемонии с кормлением и выпивкой всех собравшихся — «аиныхра», 3) свадьбы с их последствиями и

---

[51] Трудовая Абхазия, 1924, 12.XII.

4) конечно, ужасный обычай — кровная месть — «ашьура».[52] Басария обращался к абхазским учителям с призывом: «Крепче с партийными, профсоюзными организациями и с комсомолом в бой за культурную революцию, за новый быт, новую жизнь, за реконструкцию хозяйства крестьян; не ограничивайтесь стенами школы, а выходите на широкую общественную работу!»[53].

С. П. Басария много трудился над созданием учебной литературы. Например, он является автором учебника по географии Абхазской АССР для 4-го класса, выдержавшего несколько изданий и переведенного на русский, грузинский, армянский и греческий языки. В нем с большим знанием дела и в увлекательной форме дано последовательное описание исключительно многообразной и живописной природы, народного хозяйства, населения и культуры нашей республики. По своему содержанию учебник, в котором раскрыты объективно существующие взаимосвязи и взаимоотношения между отдельными элементами природного ландшафта, с одной стороны, природой и хозяйством, с другой, по отзыву специалистов, до сих пор не потерял своей ценности.

Круг научных интересов Симона Петровича — неутомимого исследователя, краеведа — был широк и разнообразен. Басария являлся крупным специалистом в области изучения географии, а также экономики и этнографии Абхазии. Он постоянно общался с академиками Н. Я. Марром и И. А. Джавахишвили, а также с этнографами Г. Ф. Чурсиным, Е. М. Шиллингом и другими известными советскими учеными.

Перу С. П. Басария принадлежит ряд научных работ, которые, как уже отмечалось, в основном вошли в избранные его сочинения. Это — статьи: «Нарзан на лугах» «Шьхаԥшза» (Шхапшдза) и путь к нему»,[54] «Редкие случаи долголетия в Абхазии»[55]; книги: «Абхазия в географическом, этнографическом и экономическом отношении» (1923), «Абазинский аул в Малокарачаевском округе» (1929).[56] Критически оценивая книгу «Абхазия...», Басария впоследствии писал, что содержание этого сочинения не соответствует его взглядам[57]. В этих работах немало ценных мыслей и наблюдений.

С. П. Басария вел большую научно-организаторскую работу: состоял членом Президиума и Ученого совета Абхазского научного общества (АбНО), затем — Академии абхазского языка и литературы; в 1925 году возглавил созданную по инициативе академика Н. Я. Марра секцию абхазоведения АбНО, а в 1927 году — секцию истории, археологии и этнографии, которая проделала значительную работу; был постоянным представителем научного центра Абхазии в Комитете по изучению языков и этнографических культур восточных народностей СССР Главнауки Наркомпроса РСФСР; являлся также уполномоченным и членом бюро Секции научных работников Грузии. Он сыграл большую роль в создании Абхазского государственного музея краеведения.

С. П. Басария был участником многих научных фору-

---

52 **Басария С. П.** Методические беседы. Сухум, 1929, с. 21.

53 Там же, с. 32.

54 Статья впервые была напечатана в «Известиях Абхазского научного общества», вып. 1, Сухум, 1930, с. 2—12.

55 Эта очень любопытная статья С. П. Басария впервые была опубликована в «Трудах Абхазского научно-исследовательского института краеведения» (вып. II, Сухум. 1934, с. 99—118), позже она вошла в его избранные сочинения.

Интересно также отметить, что в 1929 г. в № 1 пражского журнала «Кавказский горец» была напечатана статья Басария «Несколько слов об Абхазии».

56 В основе статьи лежит доклад С. П. Басария, прочитанный на заседании секции археологии, истории и этнографии Абхазского научного общества.

57 ЦГА Абхазской АССР, ф. 833, д. 28, л. 26.

мов — краеведческого совещания Кубано-Черноморской области (г. Краснодар, март 1924 г.), I и II съездов деятелей краеведения Черноморского побережья и Западного Кавказа (Сухум, сентябрь 1924 г.; Батум, сентябрь 1925 г.), съезда по изучению производительных сил Закавказья (Тифлис, апрель 1930 г.), съезда секции научных работников Грузии (Тифлис, апрель, 1931 г.) и др. Он являлся членом ряда географических обществ, в частности, был избран почетным членом Вашингтонского географического общества.

Много труда вложил С. П. Басария в организацию научных экспедиций, в результате которых им был накоплен ценнейший полевой историко-этнографический материал. Выборки фактических данных экспедиций «по культурно-историческим исследованиям Абхазии», совершенных в 1928, 1929 и 1930 годах, Симон Петрович опубликовал в 1934 году в ранее упоминавшейся статье под названием «Редкие случаи долголетия в Абхазии».

С. П. Басария так определял цель своих научных экспедиций: «Во-первых, произвести учет и жизнеописание стариков, выдающихся по долголетию и, во-вторых, во время изучения стариков фиксировать с их слов сведения старины: исторические рассказы, сказания, песни, выдающиеся события, свидетелем которых был опрашиваемый, выяснение общественно-хозяйственной жизни населения этого периода, сведения периода княжения владетелей Абхазии, изучение Лыхненского восстания путем опроса очевидцев и т. д.»[58]

Особо интересовался Симон Петрович абазинской проблемой. Еще в годы работы на Северном Кавказе он неоднократно посещал абазинские аулы. В 1928 году Басария по поручению Абхазского научного общества ездил в аул Кумско-Лоовск (ныне Красный Восток),

[58] **Басария С.** Избранные сочинения. Сухуми, 1967, с. 47.

вблизи Кисловодска. О результатах этой экспедиции он докладывал на заседании секции археологии, истории и этнографии АбНО, а в 1929 году вышла названная выше его брошюра «Абазинский аул в Мало-Карачаевском округе»[59], в которой содержатся интересные историко-этнографические сведения. Кардинальные вопросы этой работы — отношение абазин к абхазцам, время переселения абазин на Северный Кавказ, их родоплеменное деление в прошлом. Симон Петрович мечтал об организации широкой научной экспедиции по всем абазинским аулам.

С. П. Басария известен и как писатель. Но это предмет специального исследования. Тем не менее следует отметить, что, например, некоторые его рассказы и короткие пьесы в свое время были включены в учебники и хрестоматии по абхазской литературе. Таковы, например, «Аицхыраара», «Аршышра», «Ацуныхва», «Ханифа», «Мчич-ипа Петра» и др. Произведения эти большого познавательного значения, острой силы воздействия на молодых формирующихся читателей. Они рисуют жизнь дореволюционной абхазской деревни. Автор на ярких исторических фактах показывает борьбу народа за свою лучшую долю, строго осуждает тормозившие развитие общества пережитки прошлого.

Всю эту многогранную работу С. П. Басария сочетал с активной общественной деятельностью. Уже в первые годы Советской власти он неоднократно избирался членом Сухумского городского Совета рабочих и красноармейских депутатов и его представителем в коллегии Наркомпроса Абхазии. Он был постоянным членом Абхазского правления Союза работников просвещения, делегатом многих съездов и конференций Союза работпроса Грузии и Абхазии. Свое выступление, например, на

[59] См. там же, с. 80—104.

Всеабхазской конференции, состоявшейся в апреле 1929 года, Басария посвятил сельским просвещенцам. Он предлагал для них шире организовать чтение лекций и докладов, созывая районные собрания.[60] Симон Петрович являлся членом ЦИКа Абхазии трех созывов.

С. П. Басария проявлял строгую требовательность к себе и другим, чуткость и внимательность к простым людям. Чиновничьи, бюрократические замашки были глубоко чужды его натуре, он был человек прямой и принципиальный. «Я,— писал Басария,— не могу ни приспособиться, ни приноровиться, действую по убеждению ...с презрением отношусь к тем... работникам, которые часто линяют, держат нос не только по ветру, но стараются предугадать его будущее направление».[61]

С. П. Басария вместе с тем умел ценить и любить, а если надо и защитить людей, полезных для общества.

Яркое описание светлого образа С. П. Басария мы находим в превосходно написанных воспоминаниях его жены и друга В. Н. Тусишвили-Басария, вышедших на абхазском языке в Сухуми в 1971 году под названием «Симон Басария».

В 1941 году оборвалась многогранная деятельность С. П. Басария, когда ему было 57 лет.

Трудящиеся Абхазии навсегда сохранят память о Симоне Петровиче Басария, внесшим своей плодотворной деятельностью значительный вклад в историю борьбы и побед на фронте культуры в годы строительства социализма в нашей республике.

---

60 ЦГА Абхазской АССР, ф. 108, д. 180 (386), л. 13.
61 Там же, ф. 38, д. 8(16), л. 2.

СТАТЬИ

АБХАЗИЯ

Абхазия в настоящее время благодаря русской культуре представляет мирный уголок на берегу Черного моря, тогда как ранее, до присоединения к России, она служила ареной военных действий. Абхазия в своем историческом прошлом много выстрадала от разных врагов, ибо народам Кавказа не доставало политического единства, государственного устройства и гражданского образования.

Вот краткая и скорбная характеристика бурной, всегда полной воинских тревог и кровопролития жизни абхазцев. Положение, в которое Абхазия была поставлена внешними врагами, было безвыходное, и она сама собою, без помощи извне, не могла спасти свою индивидуальность. Единственной опорой, якорем спасения послужила Россия. В 1810 г. Абхазия вступила в подданство России и владетельный князь ее Сафар-бей принял христианство...

Легко представить, какую громадную пользу может принести честный и опытный учитель.

Тяжела жизнь скромного сельского педагога, ведь всегда и везде звание сельского учителя материально самое неблагоприятное. Правильно и любовно исполнять свое дело могут сельские учителя только тогда, когда будут знать, что «завтра» пройдет для них также безмятежно, как «сегодня»...

Школа не только подготавливает единичных деятелей, она влияет на весь народ, если только находится с ним в тесной и непрерывной связи.

Из разумно устроенной школы воспитанники должны уносить с собой, кроме обычных знаний, еще идеи нравственные, привычки культурные; при таких условиях, естественно, вытекает, что начатки дурных наклонностей... мало-помалу изгладятся под влиянием друзей народа — народных учителей.

Черноморский вестник, 1901, 15, 17.VIII.

ЭКСКУРСИЯ В ОБЛАСТЬ ИСТОРИИ

В предыдущих своих статьях «Забытый край» и «Вымершие народы» я указал, насколько беспорядочны, шатки, гадательны и неверны наши сведения о многоязычном Кавказе. Если наши ученые: антропологи, этнографы, лингвисты и археологи не сумели дать ничего проверенного и цельного о народностях Кавказа, даже в настоящем их виде, то понятно будет, до чего ничтожен и гадателен, сделанный ими «просвет во тьме древних времен». Вот почему мне... непосильно, да и нет научных данных для того, и немыслимо сделать категорические выводы и обобщения в этих невыясненных вопросах...

Новейшими исследователями, пролившими некоторый свет на темные вопросы истории и, главным образом, этнографию Кавказа, являются малоизвестный русской читающей публике... ученый-натуралист Чернявский и доктор Понтюхов. Чернявский давно работает в Сухумском округе. К величайшему сожалению, его ценные изыскания разбросаны по газетным статьям...

Кавказский край, 1909, 14.X.

БЕГСТВО УЧИТЕЛЕЙ

Кому неизвестна участь обездоленных, живущих в каторжном труде и бедности народных учителей? Как гордо звучит понятие «народный»! Насколько высока, почетна должность народного учителя в теории, настолько она неблагодарна, черства для несущих эту почетную обязанность на практике.

Материальная необеспеченность, полная зависимость от всех, кто только имеет желание властвовать над учителем, и абсолютное отсутствие каких-либо гарантий личности делают звание учителя самым неблагодарным, самым тяжелым; званию этому могут посвятить себя только лица, которые отказались от честолюбия, от надежды сделать хоть шаг вперед по служебной лестнице, лица, которые уверены, что завтрашний день будет для них таким же тяжелым, как сегодняшний. Все это делает жизнь народного учителя невыносимо безобразной, жалкой.

Учитель искони привык мириться с голодом, холодом, но, когда ко всему этому прибавляется посягательство на личную свободу и излюбленное дело, когда беспрерывные гонения принимают обычную форму, тут уже перестает переносить бесконечные терзания без того истерзанное учительское сердце, и наш учитель вынужден бывает уйти с поста на более безопасное место, и мы видим сплошное бегство учителей, участившееся у нас в Кубанской области, в частности в Лабинском отделе. Раз учитель выбит из своей колеи, то он без разбора пристраивает себя к любой должности. Перед нами примеры: открываются в области казенные винные лавки, понадобились чиновники акциза, и учителя занимают в большинстве эти места; учреждаются у нас на Кубани новые должности участковых начальников, и мы видим,

что должности эти пополняются учителями, и десятки учительских прошений дожидаются очереди на возможные вакансии; проектируется Армавир-Туапсинская дорога, и учителя десятками спешат влезть туда на какую-нибудь должность; и наконец, на наших глазах кредитные учреждения (банки) пленяют учителей, и далее бегство учителей растет изо дня в день, принимая эпидемический характер...

Года три тому назад считалось позорным переменить славный учительский труд на лучше оплачиваемую профессию, но теперь все свыклись с возможной необходимостью этой перемены...

Вот до чего довели «народных» учителей! Общество не проявило желания помочь своему учителю...

Кавказский край, 1909, 11.XI.

ЗАГРАНИЧНЫЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЕ ЭКСКУРСИИ НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ

(С дороги)

В течение этой и последующих недель 2500 русских народных учителей отправляются в зарубежные страны с целью столкнуться с иной жизнью, расширить свой горизонт, углубить свой опыт, приобрести новые подспорья в воспитании юного поколения.

Осуществить такую важную миссию, как устройство поездки такого громадного количества учителей, взяла на себя особая комиссия при учебном отделе Об-ва распространения технических знаний. И надо отдать дань справедливости — комиссия, употребляя нечеловеческие усилия, испытывая на пути исполнения

своей культурной затеи ряд административных мытарств, сумела выполнить взятую на себя громадную культурную работу. В прошлом году 1500 человек народных учителей побывали за границей; в этом году число экскурсантов возрастет до 2500 человек.

Не эта ли громадная услуга русской культуры!

Итак, мы накануне отъезда.

Канун отъезда групп представляет для комиссии массу хлопот.

От учителей с мест градом сыпятся по почте и телеграфу запросы, жалобы, требования. Комиссия завалена работой, в ее канцелярии десятки студентов, гимназисток заняты неотложной работой, и все эти даровые работники пришли сюда с целью помочь в установлении тех невзгод, которые всячески тормозят поездку учителей в чужие страны.

А препятствий масса.

Льготы по получению дешевого проезда и коллективных паспортов то отнимаются министерством, то разрешаются и, наконец, почти накануне отъезда учителей, навсегда запрещаются коллективные паспорта и вменяется в обязанность каждому участнику на месте выправить себе заграничный паспорт.

Наши руководители (большинство из них приват-доценты университетов) на своих частых собраниях устанавливают программы осмотров и попутных лекций. Прошлогодняя экскурсия показала всю бесполезность быстроты смены впечатлений при посещениях крупных центров Европы; в этом году комиссия, избегая такую колейдоскопичность, заявляет, что она совершенно устраняет из своей программы развлечение экскурсантов, «заботу о подборе, лишь веселящих глаз впечатлений». Вся эта легкодостижимая видимость признана комиссией слишком мишурной и нестоющей заботы, наряду с

тем глубоким и серьезным интересом, с которым народные учителя стремятся в культурные центры Европы. По справедливому мнению учредителей образовательных экскурсий, «важно не количество осмотренного, а руководящая идея, заранее намеченная и ярко иллюстрированная, наиболее характерными примерами».

Комиссия потратила много труда на то, чтобы в программе осмотра разных городов отметить лишь тот минимум, который необходим для цельности впечатления.

Подробные программы, выработанные культурными руководителями, будут сообщены нами завтра.

Программы осмотров очень интересны и обнимают большой цикл знаний...

Отклики Кавказа, 1910, 1. VI.

ОБРАЗОВАТЕЛЬНАЯ ЗАГРАНИЧНАЯ ЭКСКУРСИЯ НАРОДНЫХ УЧИТЕЛЕЙ

Комиссия по организации образовательных заграничных экскурсий... устраивает свои экскурсии по заранее составленным планам и под руководством избранных для этого лиц...

Культурная сторона представляется в следующем, не подлежащем изменению плана или программы:

Вена: 1 день — осмотр города. 2-й день — Естественно-исторический музей. Сообщение об искусстве и посещение галерей под руководством лектора. Поездка в Шенбрунн (парк, дворец). 3-й день — художественно-исторический музей. Новая галерея. Сообщение об Австро-Венгрии. Осмотр парламента и ратуши. 4-й день — образовательная поездка за город. Осмотр общественных учреждений.

Мюнхен. 1-й день — вечером — приезд экскурсантов. 2-й день — осмотр города, памятники, парки. Обед. Доклад о старой Пинакотеке. Осмотр картинной галереи гр. Шака (до 5 ч.). От 5 до 7 ч. отдых. В 7 часов ужин, затем театр, прогулки и т. п.

3-й день — осмотр старой Пинакотеки. Обед. Доклад о новом искусстве (новая Пинакотека). Сообщение о скульптуре и посещение Глинтотеки (собрание памятников скульптуры). С 5 час. вечеринка — выезд за город. 4-й день — осмотр новой Пинакотеки. Обед и разные посещения. Через Цюрих, Люцерн и Майринген в Иннерткирхен, где останемся 21 день. Здесь предполагают познакомить нас с феноменами горной природы — грандиозной и величественной. Во время прогулок будет обращено внимание на более выдающиеся явления горного мира: процессы образования гор, горные породы, их слагающие, окаменелости находящиеся в них и их значение для определения возраста гор; пласты земной коры и образование на них почв, ледниковая деятельность в настоящее время и следы ее в прежние эпохи, гигантская работа воды и воздуха в горах, от подошвы до вершины.

Венеция — предполагается ограничиться зрительными впечатлениями, какие дает этот город.

Милан — Собор. Кладбище с его памятниками. Музей. Картины Леонардо и его школы. Церковь св. Амвросия, патрона Милана.

Отклики Кавказа, 1910, 4. VI.

МЕСТЕЧКО ОЧЕМЧИРЫ

Кто не восхищался дивной Абхазией — этой давно воспетой частью «Пламенной Колхиды»?!

По своей роскошной растительности и очаровательным видам эта местность давно заслужила имя «перла Кавказа».

Туристу, едущему на пароходе из России, сразу бросается в глаза контраст между ландшафтами Черноморской губернии и Абхазии.

Вы одинаково восхищаетесь Гаграми, Гудаутами, Новым Афоном и чудесным Сухумом; но далее внимание ваше, в восприятии новых впечатлений, становится пассивным, вы начинаете жить только виденными прелестями, вам уже не ждать новых пейзажей, а при виде Очемчиры вами даже овладевает некоторая грусть. Ваши эстетически настроенные чувства никак не могут примириться, видя такую сильную разность в перемене картин. Еще издалека вам кажется, что местечко сидит по горло не то в земле, не то в болоте. При высадке с парохода вы воочию убеждаетесь в последнем. Вам не верится, что вы уже в Абхазии, по крайней мере в предверии ее; тут все так неинтересно, серо, безжизненно и нудно. Если в Сухуме, Гаграх и Афоне воздух был насыщен приятным ароматом, доходящим в этих местах весною до приторности, то в Очемчирах обоняние ваше тоже начинает усиленно работать, но только не от благоговонных каприфолий... рододендронов, архидей и разных мотыльковых растений (их как бы тут и не родина), а от смрада болотной гнили и пр. и пр.

Казалось, легко можно было найти на берегу Черного моря хорошее место для поселения, благоприятное для его поселяющих, но Очемчиры, по какой-то злой иронии судьбы, лишился этой возможности и оказался закопанным в котловине, где и влачит жалкое свое существование, как волжский белян на болоте.

При здешних обильных атмосферных осадках, при господствующей апатии обывателей в уничтожении

гибельного влияния излишества влаги, и даже отсутствии малейшего старания в этом направлении, вы легко можете себе представить, как далеко зашло это злосчастное местечко в обладании всеми дарами болота. А ведь здесь уже городовое положение, имеется хозяйственно-полицейское управление, тут же участковое управление, таможня, п.-телеграф, контора, мировой отдел и др. учреждения. Ко всему этому надо добавить и то, что тратятся крупные деньги, якобы на поднятие благосостояния города. Даже имеется на лицо такой чудовищный факт, кажется, раскрытый директором канцелярии наместника Кавказа, ревизовавшим Абхазию, и в частности м. Очемчиры; дело в том, что были потрачены сорок тысяч местечковых денег на его «благоустройство».

Деньги, действительно, ушли куда-то, но Очемчиры ничуть не устроился, он остался при нескольких старых допотопных фонарях «на кривых ножках».

Истратить крупные деньги, опустошить без того пустую кассу и оставить Очемчиры опять таким же свалочным местом для всяких нечистот — это, по меньшей мере, преступно со стороны таких господ, которые считаются фактическими попечителями города.

Затхлая атмосфера не уменьшилась, место опять погибает во мраке, убыль грязи в болотах не замечается, доказательством тому служит следующий невероятный факт: года два тому назад в одном из болот Очемчиры утонул стражник вместе с лошадью...

Нельзя упрекнуть очемчирцев в отсталости: у них два фаэтона, кафе «Америка» и «нормальное 2-классное училище», и даже в этом году, да будет к чести их сказано, очемчирцами было найдено, что такое училище не удовлетворяет требованиям времени, и стали они помышлять о более высшем типе учебного заведения, но, к

сожалению, остановились на «ненормальном» типе, именно: городском училище по полож. 72 года.

О других проявлениях умственного запроса очемчирцев говорить не приходится: здесь нет ни читальни, ни библиотеки, и даже в «Америке» нет ни одной газеты, и посетитель, если он не принадлежит к местной интеллигенции, должен оставить это «общественное собрание», так как здесь люди упражняются в курении и игре в карты (обыкновенно в кончину).

Среди пестрой публики в этом клубе вы находите педагогов, их можно узнать по форменной фуражке (кстати, их здесь не снимают, да и вешалок нет на то)...

Отклики Кавказа, 1910, 14, 15. VIII.

О ЧЕРНОМОРСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ

(Ново-Сенаки — Сухум)

Давным-давно производятся разные изыскания по разным направлениям, составляются проекты для определения наилучшего пути сообщения Черноморского побережья с Закавказьем, проспекты стоимости дороги и прибыльности ее одабриваются неоднократно Петербургом, так как о колоссальном значении проектируемой дороги для государства в военном и экономическом отношении двух мнений никогда не было, ибо и центральная власть должна была согласиться с известным ученым археологом Чернявским, неоднократно поднимавшим вопрос о «забытом древнем пути», богатом водами, рудами и лесами, указывавшем на необыкновенное богатство абхазских минеральных вод, почти совершенно неизвестных, но ценность которых возвышается, по

сравнению с пятигорской группой, редким по своей целебности сухумским климатом; указывалось на необыкновенное богатство лесов «Золотой Колхиды» (говорю об Абхазии), в которых в неисчерпаемом количестве находятся такие ценные породы, как самшит, ореховое дерево, каштановое и даже негной дерево (красное), не говоря уже о вековых дубах, но все это вместе взятое не могло сдвинуть воз, который и доныне на одном месте.

В настоящее время вопрос о железной дороге Сухум — Ново-Сенаки похоже на близкое осуществление.

Командированный из Петербурга генерал Тизенгаузен многое сделал в ускорении решения этого вопроса.

Говорят Тизенгаузену вменено в обязанность привлечь к постройке дороги населения Абхазии и Мингрелии путем подписки для покрытия 9,5 млн. руб. на акции о безвозмездной уступке под железнодорожную полосу свои земли.

Население с живейшим интересом относится к докладам генерала Тизенгаузена и спешит подписаться на акции, т. к. это необходимо для получения от правительства концессии.

Казалось, такому культурному начинанию только должны радоваться все, в ком дороги интересы отечества, но последние газетные сведения говорят нам, что нашлись люди с таким узко-личным эгоистическим расчетом, которым наплевать на интересы населения и государства, я говорю о стоглавой гидре, сиречь «Русском обществе пароходства», неоднократно пожиравшем все проекты по сооружению упомянутой дороги и в данном случае усиленно желающем «снять вопрос с очереди», и есть основание, что черноморскому монополисту и на этот раз удастся во имя своего кумира — «золотого тельца», затормозить благое дело г-на Тизенгаузена. Но неужели это будет?

Ведь теперь кажется и таким акционерам, как «Рус. об. парох.», не всегда удается сделать так, как им выгодно, и для О-ва Владикавказской железной дороги, главная аорта которой уже разорвана двумя общественными дорогами — Армавир-Туапсинской и Черноморско-Кубанской.

Да будет то же самое и с ненасытным «Русским обществом [пароходства]»!

Отклики Кавказа, 1910, 5. XII.

УЖАСЫ ЗИМЫ В СУХУМСКОМ ОКРУГЕ

Страна теплого южного солнца — Пламенная Колхида, где в это время обыкновенно расцветают розы, фиалки, цикламены, каприфоли, пышные рододендроны и тысячи ярких орхидей, где годовая изотерма зимы редко понижается ниже 1—2° С., в настоящее время, волей стихии, вся засыпана невероятно глубоким снегом. Из телеграмм мы уже знаем, что, по обилью выпавшего снега и его жертвам, Сухумский округ один из наиболее пострадавших местностей Закавказья.

Снег стал идти здесь с 6-го января и шел крупными хлопьями непрерывно 20—24 дн. (в Гудаутах). Еще в первую неделю он в прибрежных местах (Гаграх, Гудаутах, Очемчирах, Сухуме) достиг 2,5 арш. высоты, а ближе к нагорной плоскости — в абхазских селах — глубина стала достигать 7—10 арш. Сведений же с горных сел Абхазии (Ткварчели, Цебельда, Дал и Верхней Чилов) до сих пор не имеется, но абхазцы соседних сел уверяют, что в этих местах «и верхушки громадных дубов едва за-

метны из-под снега»*. Жертв человеческих выяснить пока нет возможности, ибо население, живущее отдельными хуторами, по сие время изолировано снегом. В первые дни вся борьба жителей сводилась к очистке крыш домов.

Мужчины, женщины и даже дети одинаково работали день и ночь, но скоро поднялась сильная метель, людей стало с крыш срывать; дома окончательно сравнялись с поверхностью выпавшего снега... Здесь, к общему бедствию населения, явился набег зверей. Бездна разного хищного зверья: волки, шакалы, гиены, лисицы, выдры, кабаны, медведи и пр., побросали непроходимые дебри абхазских лесов и «стали врываться в жилые помещения». Населению, которому почему-то запрещено властями держать при себе какое бы то ни было оружие, приходилось «вступать в рукопашный бой со зверями». Жертв и с этой стороны много, но не выяснено сколько. Небывалые морозы, продолжительная голодовка сделали зверей еще злее и смелее. В квирильское управление «вбежали три громадных диких кабана», сельскому писцу и другим служащим пришлось уступить присутственное место непрошеным гостям. Вызванные из окрестных мест абхазцы «освободили управление». Одинаково вбегали в дома масса диких коз, зайцев, влетали фазаны, горные индейки и пр. дичь. По словам моего корреспондента, «абхазские девушки руками ловили диких коз».

Так как скотина здесь круглый год пасется на подножном корме, то население не приготовило никаких запасов к этой зиме, а потому скот стал погибать от голода, а большая часть была засыпана снегом.

На обыкновенных лыжах нельзя было ходить по снегу, а потому «абхазцы придумали особое приспособление: они из прутьев ивы делали плетушки и надевали на ноги», только в этом случае снег мог удержать человека. «Люди из дому выходили не из дверей, а делали отверстие на крышах домов».

Правительственная помощь за это время сказалась только в том, что было отдано приказание измерить глубину снега в разных местах округа.

Отклики Кавказа, 1911, 22. II.

* Цитирую из полученного письма от чиновника В. С.Ч-зе. Письмо написано 10 февраля.

С БЕРЕГОВ ЧЕРНОГО МОРЯ

Береговая полоса древнего Евксинского понта (по Страбону) из года в год приобретает интерес в широкой массе публики. А приятный мираж будущей Черноморской железной дороги дает огромный импульс в росте этого интереса. Но не красота местности, не роскошный ландшафт Кавказских гор и Черноморского берега привлекают в эти благодатные места массу капиталистов со всех концов России и даже Европы: жизненная борьба, борьба за благоденствие делает этот край яблоком раздора между толстосумами... Поражаешься количеству и разнообразию публики на пароходах, все классные места переполнены иностранцами, заранее захватившими койки (а прочая публика едет «без права на койку»). Англичане, французы и бельгийцы, главным образом, едут в Гудауты. Когда-то неизвестное местечко Гудауты в будущем сыграет огромную роль: плановые места покупаются на расхват, за одним Армавиром числится 67 планов. Слыша разноречивый разговор на палубе, поневоле вспоминаешь далекую седую старину, когда римляне, для торговых дел, содержали в этих местах, по свидетельству Плиния, 300 переводчиков для разных народов, торговавших здесь.

Дивный Н. Афон своей роскошной растительностью и очаровательным видом манит к себе толпы экскурсантов, которые восхищаются внешней красотой этой обители. О внутренней красоте «благочестивой» жизни монахов, «отвергшихся мира и плоти, презревших доброту телесную и мимоходящую тленную славу, избравших житие бесстрастное, прискорбное и жестокое» по независящим обстоятельствам говорить не приходится; но за афонскими иноками, помимо всех тех привилегий, которыми принято пользоваться «за монастырскими стенами», числится следующий, известный всей читающей России, факт: в эту зиму среди монастырских рабочих появился сыпной тиф; монахи, «избравшие житие прискорбное и жестокое», опасаясь за свое здоровье, в самые сильные холода удалили несколько сот зараженных рабочих, которые, скитаясь по побережью, как известно, занесли ужасную заразу в Сухум, Гудауты, Туапсе и Геленджик.

К каждому пароходу на фелюге приплывают несколько монахов и, очевидно, не без цели они сюда являются: они вертятся около классных пассажиров, то и дело слышишь проповедь: «идите наслаждаться умилительнейшим антифонным пением афонийского напева» или вроде: «живя в монастыре, чувствуешь себя совершенно в иной нравственной атмосфере, невольно прилагаешь свой ум на небесное, ибо здесь дух возносится над плотью» [...] Но вид пышащих здоровьем проповедников как-то не вяжется с их тягучей елейной речью и «прилежанием своего ума к небесному».

Подъезжаем к Сухуму. Сухум и его окрестность — богатейшее в мире древнее кладбище, изуродованное, разграбленное без всякой системы, без всякой научной цели... В настоящее время Сухум по своему мягкому климату считается одним из лучших курортов России.

От ужасов минувшей зимы Сухум с его вечнозелеными растениями средиземноморской флоры, сильно пострадал. Подъезжая на пароходе, ужасаешься, видя на месте гордых пальм, банан... олеандр и мирт высохшие кочерыжки. Бедствие небывалой зимы более всего отразилось на сельском населении; прямо-таки не поддаются никакому описанию и причиненные размеры бедствия. Роскошные девственные леса Абхазии, в которых во множестве обитали дикие козы, серны, фазаны, горные индейки и тысячи разновидностей из пернатого царства, навсегда обречены на могильное молчание: все они погибли.

Что и говорить о народном бедствии! Абхазия — это «долина слез». Абхазцы всегда вне правительственной помощи; мольбы, плачь этого народа не идут далее канцелярии начальников участков. Следующий невероятный факт административного глумления над населением покажет, насколько далеко зашел в этом безапелляционном крае полицейский разгул.

Жители Тамышской общины видя, что «в виду продолжительной засухи ожидается ужасная голодовка на будущий год, т. к. большая часть полей не засеяна», а засеянные не дают всходов, а в эту зиму многие из них лишились рабочей скотины, «руки их отмерзли, скребя снег», истощенные борьбой и лишенные жилищ, они обратились к начальнику участка с просьбой оказать им «правительственную помощь». Это было их законное право. Что же ответил на эту официальную бумагу начальник? Его высокоблагородие кладет собственноручно резолюцию: «В Канцелярию Пророка Ильи с просьбой пустить в ход (!) колесницу»

Отклики Кавказа, 1911, 22. VII.

СЕЛО ТАМЫШ

Медицинская беспомощность

Три года тому назад, когда директор канцелярии наместника Кавказа ревизовал Абхазию, в петиции, поданной ему абхазцами, между прочим, говорилось о медицинской беспомощности:

«Гибнем мы, — жаловались квитоульцы, — из-за отсутствия медицинской помощи. Для нас недоступны как врачи, так и медикаменты. Чтобы вызвать фельдшера из Очемчир, нужно заплатить 15—20 руб. за один визит; конечно, редко, кто вызывает, и мы представлены естественному течению болезни; поэтому неудивительно, если у нас смертность больше рождаемости, ибо были случаи, когда люди умирали за неимением простого слабительного. Умоляем ваше превосходительство, — заключают абхазцы,— помочь, если только есть хоть какая-нибудь возможность выручить нас из грозящей беды. До слез жаль, когда на наших глазах умирают дети наши от лихорадки за отсутствием хинина...»

После этого были учреждены так называемые фельдшерские пункты. Одним из таких пунктов для всего Кодорского участка является тамышский с одним фельдшером при медикаментах на 150 руб.

На обширные нужды населения в медицинской помощи отпущено всего 150 р. на медикаменты, или: на одного жителя Кодорского участка в год расходуется на одну копейку лекарств. Разве этого достаточно?

Мне возразят, что в Гали имеется врач для Самурзаканского и Кодорского участков. Но какая польза от этого? Ведь Гали дальше Очемчир; кодорского абхазца туда калачом не заманить.

При личном разговоре с гальским врачом и пунктовым фельдшером г. Окуджавой, оба они одинаково констатировали факт нецелесообразной постановки медицинской помощи в двух абхазских участках: Самурзаканском и Кодорском.

Что же нужно предпринять для постановки этой помощи на более прочных началах?

Нужно открыть для Кодорского участка аптеку, наподобие Бибердовской (в Куб. обл.) горской, откуда всякий нуждающийся абхазец мог бы даром получать нужные лекарства. Нужно для этого же участка иметь одного врача и акушерку. Необходимо также увеличить число фельдшеров: по крайней мере на два селения по одному фельдшеру. При осуществлении всего этого у нас будет сравнительно сносная постановка медицинской помощи, хотя и при таких условиях мы опять будем далеки от хорошей постановки дела.

Сухумские вести, 1911, 31. VIII.

ШКОЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

(Из записной книжки)

Известно, что участь народных учителей, прозябающих в бедности и непосильном труде, всюду безотрадная; но все же тяжесть учительского «ига» не везде одинакова.

Особенно плачевно-жалкое положение закавказских учителей. Эти люди каждую минуту живут надеждой, что завтрашний день для них будет более ясным и безоблачным, чем сегодняшний.

О правовом положении их и говорить не приходится.

Вот невероятный факт глумления одного из «сильных мира сего» над бедным сельским учителем. Не особенно давно г. Ф-ч... заходит в джгердинскую школу и

видит, что учитель набрал «для какой-то наглядности» массу костей, копыт, черепов от разных животных и всю «эту дрянь» держит в классном помещении. Возмущенный г. Ф-ч набросился с угрозами на учителя и приказал выбросить всю «эту падаль» собакам. Это я рассказываю без всяких прикрас.

А служить приходится учителям в невозможных помещениях. Для примера возьму наилучшее школьное здание Очемчирского нормального 2-классного училища. Вот официальное заключение комиссии, осматривавшей под председательством техника Малышкина здание училища: «Дождевая вода в большом количестве проникает внутрь комнат. Потолки во многих местах разошлись и образовались большие щели. Штукатурка стен в классах дала трещины и обваливается. Во многих комнатах смотрителя сильная течь в потолке и подтеки по стенам».

Технический осмотр заключает: «Оставить здание в таком виде, как сейчас, значит подвергать опасности не только учительский персонал, живущий в нем, но и учеников. Занятия в здании школы совершенно невозможны, благодаря сильной течи воды...» Но занятия происходили и происходят как ни в чем не бывало. Инспектор этих школ г. Хаустов недавно назначен сюда и совершенно не проявляет энергии и заботу к улучшению дела, являя собою типичный образец «футлярного» человека, твердо помнящего смысл и значение «20 числа».

На этом я заканчиваю свои краткие заметки.

В следующий раз постараюсь дать подробную картину школьной жизни Закавказья.

Кавказский край, 1911, 12. XII.

КАК ОБСТОИТ ВОПРОС О СУХУМСКО-КУБАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГЕ У НАС?

Думаю, что одним из животрепещущих вопросов для населения Сухумского округа, лишенного самых примитивных видов удобств в путях сообщения, является проектируемая перевальная железная дорога через Клухор, Теберду, Баталпашинск и Невинномысск.

Я, как истый сын своей родины — Абхазии, зорко следил за разрешением, скорее за возникновением, этого вопроса у нас; но, к сожалению, должен буду отметить, что жизненный для сухумцев вопрос в Кубанской области, в ее различных железнодорожных съездах поднимался и рассматривался между прочим.

Население Кубанской области, сумевшее своей неутомимой энергией, собственными средствами, за короткий (5-летний) срок получить концессии и начать постройку дорог — Армавир-Туапсинской-Ейской, Черноморско-Кубанской и Армавир-Ставропольской, иначе смотрит на Сухумскую перевальную дорогу — «эту приятную мечту, но трудно осуществимую».

Года два тому назад какой-то «печальник» Кубанской области с цифрами на руках на страницах газ. «Отклики Кавказа» выступил с громовой статьей, где он прямо предостерегал население области от увлечения перевальной дорогой на Сухум, советовал перестать расписывать красивые узоры на канве приятного миража, в конце концов он предлагал перейти от несбыточной мечты к реальной осуществимости — провести ж. дорогу только до Теберды (Карачая), прибыльность дороги сей муж находил в вывозе продуктов: «овечьего сыра и шерсти», делал ссылки на труд Ю. П. Проценко, совершенно извращая мнение почтенного автора, сторонника перевальной дороги.

Статья эта, пышная по внешности, произвела на население известное впечатление.

Я тогда же на стр. газеты «Кавказский край» дал посильную отповедь. В свою очередь я ссылался на труды Ю. П. Проценко и В. И. Чернявского — «Забытый древний путь».

В прошлом году несколько сторонников перевальной дороги устроили съезд в станице Баталпашинской; съезд был очень жалкий и решительно ничего не сделал в пропаганде идеи желаемой дороги среди населения.

Между тем Тебердинской дороге посчастливилось, вопрос о ее постройке вновь поднялся...

Теперь несколько слов о том, какую материальную поддержку оказывает кубанское население новым дорогам?

Когда была открыта предварительная запись на акции Армавир-Туапсинской железной дороги, то самые бедные станицы подписывались на 20—30 т. руб., а богатые — 100—200 тыс. рублей.

Почти то же самое с «Урупско-Тебердинской» ж. дорогой; в дни съезда предварительная запись дала несколько сот тысяч рублей.

Сухумский вестник, 1913, 24. II.

50-ЛЕТНИЙ ЮБИЛЕЙ ЗАПАДНОГО КАВКАЗА

...Прежде всего посмотрим, какие мы школы завели у горцев. Первые русские школы для горцев — это, так называемые, «горские школы»; устав этих школ был выработан еще 20 октября 1859 г. Горские школы учреждались для каждого племени особо: Абхазская (в Сухуме), Сванетская, Адыгская, Кабардинская, Чеченская и т. д. Школы эти существуют до сих пор...

Председателем педагогического совета в этой школе почему-то должен быть военный начальник того племени, где школа существует. Единственное преимущество этих школ — казенный интернат при них...

Понятно, с самого своего рождения они стали преследовать так называемые политические виды. Чтобы не быть огульным в признании больших недостатков за этими школами, я возьму, как пример, одну из горских школ — Абхазскую (в Сухуме)... В упомянутой школе ужасный режим особенно ярко проявился при начальнике Абхазии полковнике Браккере и при смотрителе школы Богданове, который задался целью убить в мальчике-горце все живое, или, как выражался сей сумасбродный педагог, «убить тело, а с душой легко будет справиться...

Политика Богданова скоро дала всходы: в школе поднимается мятеж; привожу это странное выражение потому, что под это слово администрация края охотно подводила всевозможные формы протеста населения и даже детей.

«Мятеж» поднимают карапузики от 8—10 лет. Надо дать перевес справедливости: мятежники одержали блестящую победу: из строя угнетателей оказались выведенными учителя: Дубовецкий, Хрусталев, Сазонов и др. На другое утро полковник Браккер (он же председатель педагогического совета) «восстановил порядок». Это избиение учителей совершенно неожиданно усиливает репрессии. Следует распоряжение, чтобы в этих школах в роли преподавателей не допускались туземцы; такой видный, любимый и учениками и горцами учитель-старик, грузин А. И. Джугели получает отставку...

Здесь я имею возможность поделиться с читателем очень ценным мнением одной западногорской народности о непригодности существующих у горцев русских

школ. Приводимое мнение было вынесено на собрание представителей общин в селе Мокви 20 августа прошлого года.[1]

«Существующие у нас, одноклассные и двухклассные училища, — говорили собравшиеся, — мало дали нам пользы...

Школы должны так воспитывать наших детей, чтобы они не гнушались теми занятиями, которыми занимаются их отцы — земледелием, садоводством, скотоводством...

Желательно иметь школу иного типа, с более обширной программой, с хорошо образованными учителями.

Если этого нельзя, то просим деньги, ассигнуемые на школы, употребить на поднятие народного здравия, а школы закрыть...»

Дети должны жить жизнью изучаемых событий, чувствовать горести и радости того периода жизни народа, в котором они вращаются. К созданию родной литературы привлечены такие знатоки горской жизни, как Ан. Чочуа, Дм. Маргани и Н. Патеипа.

На собрании представителей общин в селе Мокви 20 августа 1913 года руководитель собрания доложил, что у абхазцев была масса обычаев, вполне культурных, гуманных и поразительно разумных. Были разного рода взаимопомощи, доброхотные союзы и все хорошее, доброе держалось сотни лет, а в последние годы стали забывать... Или взаимопомощь «киараз», которая состоит в том, что жители общины собираются на полевые работы сперва на земли вдов и сирот, потом одиноких и т. д. Помимо всего этого, еще в памяти у всех игры, песнопения и проч. Конечно, и это все уже выводится.

[1] Подробнее об этом собрании см.: Сухумский вестник, 1913, № 278 и 279.

А между тем то, что мы считаем устарелым, нехорошим, вводится вновь во всех культурных государствах. Упомянем хотя бы прыжок с шестом — «ациргилахипара», метание диска — «ахахурпа», прыжок в длину — «акспа» и масса друг. А какие были разумные песни: сатирические, бичевавшие недостатки отдельных лиц и целого общества — «ахидзртра», свадебные — «бединара», горестная — «азар», песня страдальца — «агвакаша», песня труженика — «амхаша», песня героя — «ахацаша», военная песня — «араша», песня-молитва — «анцвараша» и еще много, много других...

Когда горцы строго держались обычаев старины: пели песни, устраивали общественные игры, проводили все виды взаимной помощи, у них любви друг к другу было больше, сердца были сострадательнее; воровства, обмана, лжесвидетельства совершенно не было. Молодежь увлекалась спортом, честь и славу находила в нем. Сатирические песни бичевали общественные недостатки, и всякий человек совестился сделать дурное дело. И все понимали, что одними упреками и застращиваниями нельзя отучить молодежь от дурного; нужно ей найти разумные развлечения, занять ее чем-нибудь. Пусть она себе похвалу и славу находит в культурном спорте седой старины... На моквинском сходе представители сел жаловались: «Не одна медицинская беспомощность ускоряет нашу смерть: мы умираем с голоду, есть семейства, дети которых растут без молока. Животные наши приучены были к горным пастбищам, теперь чахнут и мрут».

Упадок скотоводства, этот ужасный фактор экономической смерти единственных представителей выселившихся племен, идет сильным темпом.

Лет 20—30 тому назад считалось за редкость, если у любого домохозяина не было десятка два коз и овец,

не говоря о том, что в каждой общине было много крупных скотоводов. У абхазцев это занятие было излюбленным. Изменившиеся условия горных пастбищ заставили абхазцев бросать эту единственную доходную статью своей бедной жизни.

В Кодорском участке теперь много общин, в которых нет, в полном смысле слова, ни одной овцы или козы. В настоящее время житель средней зажиточности ест мясо в год только раз. Это не преувеличение, а факт. И это стало лет 15—20 тому назад. Все это от того, что родные горные пастбища отняли у абхазцев. Можно было-бы мириться с этим обстоятельством, если такая мера вызывалась государственной необходимостью и соображениями краевой центральной власти: беда и зло в том, что экономическое разорение целых 11 общин происходит иногда от неразумного распоряжения ближайшего чиновника по ведомству земледелия и государственных имуществ.

Какой-нибудь заносчивый, с узкоэгоистическими расчетами лесничий заставляет всю общину бросить скотоводство, хотя, быть может, в это время в центральном ведомстве только и хлопочут о поднятии народного благосостояния путем поддержания скотоводства. За фактами ходить не приходится. Весь Кавказский участок с негодованием вспоминает лесничего, некоего Соколова.

Этот никчемный чиновник своими измышленными формами продажи горных пастбищ окончательно отстранил сельские общины от участия на торгах, так что некоторые общины совершенно лишились своих пастбищ, которыми они пользовались десятки лет.

Как поразительный факт упоминается Квитаульская община, которая лет 8—10 тому назад каждое лето отправляла в горы более 10 тыс. голов скота, ибо у нее были свои горные местности. Но к гибели этой и других

общин Кодорского участка назначается лесничий Соколов. Необычайные приемы торгов, установленные С-м, грубое обращение этого разорителя населения все перевернуло вверх дном, горы ушли из рук общин в частные... Упомянутая община, как и другие, лишилась пастбища, в настоящее время на долю этой злосчастной общины приходится мелкого рогатого скота не более 500—600 голов.

Воем выли на моквинском собрании ткварчельцы. Всё собрание единогласно поддержало справедливую жалобу этой общины.

Эта единственная община, где хорошо держится скотоводство и пчеловодство; но если только немедленное вмешательство разумной окружной власти не положит конец ужасным опасениям ткварчельцам, то и эта община бросит скотоводство и пчеловодство, а это будет большим ударом для всего Кодорского участка. Местность здесь горная, земледелием заниматься не приходится, единственный способ житья — скотоводство и пчеловодство, и ткварчельцы занимались этой отраслью хозяйства. Теперь вышло распоряжение, по которому ткварчельцы лишаются пастбищных мест, даже пчеловодство и то стало платным.

Бесцеремонность в обращении с населением местных властей доходила до безобразия. Говорить о невероятном, чудовищном разгаре полицейских чинов в этом безапелляционном крае, значило бы писать огромные статьи.

Глумиться над населением, не считаться с его элементарными требованиями здесь в порядке вещей. Малейший протест населения подводится под понятие «мятеж», «бунт», а потому здесь люди приучены к безропотному мучению. Несмотря на все это, полтора года тому

назад в этой стране чуть не разыгрался огромнейший скандал.

Начальник Кодорского участка, офицер, пьяница, циник, форменный тип вырождения, превзошел все виды озорства и хулиганства...

Доведенное до крайнего гнева крестьянское население с дерзким гиканьем бросилось на своего мучителя. Наш «джигит» во всю прыть стал удирать со всей своей многочисленной вооруженной свитой. Крестьяне гнались за ним 20 верст и пригнали его в город. Здесь, окружив своего сумасбродного начальника, послали телеграмму о случившемся наместнику Кавказа.

Пошли дознания. Полковник Кропачев усмотрел во всем этом бунт и наметил к высылке 20 человек видных абхазцев. Другой добросовестный полковник Наврощкий, хороший знаток населения, не поддержал огульное обвинение Кропачева. Состоялось личное вмешательство графа Воронцова-Дашкова. Население было оправдано: начальник-хулиган был удален и предан суду, его вдохновитель полковник Кропачев смещен...

Отклики Кавказа, 1914, 25. V; 1, 3. VI.

ГОВОРИТ СЕДАЯ СТАРИНА

Изучая редкие случаи долголетия жителей Абхазии, записывая со слов этих живых свидетелей седой старины историю общественно-политической и хозяйственной жизни страны того времени, приходилось неоднократно встречать неподдельные, интересные рассказы стариков, показывающие пути, по которым шла жизнь населения Абхазии, начиная с низших, весьма примитивных ступе-

ней развития культуры до наших дней, дней невиданных в мире темпов хозяйственного и культурного развития с его широким творческим размахом.

Обыкновенно принято думать, что очень долголетние старики, живя воспоминаниями старины, скучают по ней, идеализируют ее, в то же время туго и остро-критически воспринимают все новое, как бы хорошо оно не было. Отчасти это так и бывает, но рассказы стариков Абхазии, записанные с их слов без какой-либо отсебятины собирателя, показывают противоположное.

Джидж (Николай) Шапковский, 150-летний старик (умерший недавно), свои воспоминания начинал так:

— Я виды видел, я хорошо помню время до прихода русских, когда в Дале управляли абхазские князья. Долго жил и при власти царя, но такого спокойного, счастливого времени для крестьянина, как теперь никогда не было. Я пастушествовал 60 лет, пас коз. Правда, молока тогда было в изобилии, но какая была плохая наша жизнь! Счастливые вы сыны теперешнего времени, счастлив и я, что дожил до этого времени. Слыхано ли было, чтобы властьимущие раньше беспокоились за крестьянина, а в особенности за старика, никому не нужного, каким являюсь я.

Умерший на днях 150-летний Хапар Киут и участник лыхненского крестьянского восстания Фат-ипа Джинджик начинали свои воспоминания так:

— Откровенно скажем правду, нам все равно жить осталось мало, но теперешнее правительство для нас, крестьян, самое лучшее. Разве раньше крестьянам так жилось? Разве раньше кто-нибудь с ними считался?

Мажагв Адлейба, имеющий от роду 145 лет, говорит:

— Как теперь легко стало крестьянину работать на земле, каких только ему машин не дают, а мы в старину пололи самшитовыми тяпками, вместо теперешних плу-

гов у нас были деревянные крюки, даже без железных наконечников.

118-летний Екуп Шоуа, рассказывая о невежестве населения в старое время и, подчеркивая превосходство грамотного человека над неграмотным, выразился фигурально так:

— Кто не обучался книжному чтению, кто не был в школе — тот мало знает о старине, потому что его ум сидит дома.

Он рассказывает о виденной им торговле рабами у Келасурской стены.

— Торговля рабами,— говорит старик, — шла и тогда, когда царские власти сидели в Сухуме [...] Прекратилась она, когда ветер впервые качнул мою бороду. (То-есть когда он возмужал и появилась у него борода.)

— При владетельном князе крестьянам не разрешалась верховая езда, так как этим правом пользовались только князья и дворяне. Крестьянин лишен был права въезжать верхом на лошади на лыхненскую площадь на виду советников владетеля. Точно также на народных собраниях крестьянам не разрешалось принимать участие в скачках и прочих играх верхом на лошадях. (Рассказы стариков Шача Чукбар, Мусы Арджения и других).

Среди крестьян были отдельные смельчаки, которые восставали против такой несправедливости. Однако протесты одиночек не могли изменить положения вещей

На одном крупном собрании, когда все дворяне были верхами и играли в атарчей, а крестьяне большой массой стояли под деревьями, державший атарчей дворянин из Звандрипша нарочно начал врезываться в пешую толпу крестьян, топтал их конскими копытами. Смелый крестьянин из Джирхвы — Палба Кумач, выведенный из терпения глумлением начального дворянина, вскочил

на коня, выхватил у князя атарчей и, сделав подобающий для хорошего ведения атарчея круг по рискованным рвам и зарослям, несмотря на многочисленную погоню лучших наездников из дворян, прилетел на старое место, где дерзнул отнять атарчей у князя.

Взбесившиеся дворяне и князья встретили его руганью, а надменный дворянин Квадж из Звандрипша закричал на него: «Как ты смел, дерзкий крестьянин, на наших глазах сесть на лошадь и вырвать атарчей из дворянских рук», — и ударил наездника плетью. Палба Кумач взмахом шашки зарубил князя и скрылся.

Такой же рассказ существует о крестьянине Мчичипа [Кобахия] Петре.

Старики хорошо помнят, когда крестьяне вынуждены были шить черкески без газырей в отличие от дворянских и княжеских одеяний.

Старуха Елыф Кобахия (105 лет), вспоминая положение женщин в свое время и сравнивая его с теперешним, говорит:

— Женщина вовсе лишена была даже тогдашних крестьянских мужских прав, а езды верхом тем более. Женщины ходили пешком на очень дальние расстояния, у них была алабаша (палка с железным наконечником). Когда у крестьянки рождался ребенок и об этом узнавал князь, или дворянин, которому в эти же дни княгиня даровала сына или дочь, то крестьянку-роженицу ставили в такие условия, что она вынуждена была своей грудью кормить княжеского сына, причем во время кормления родной ребенок не имел права коснуться груди матери... Все это называлось молочным родством крестьянина с дворянином.

Гальские старики (Нау Кварандзия и другие) приводили интересные примеры крестьянских ответов на княжеские глумления:

— Был надменный князь Хаджимбей Эмухвари. Раз, когда он проезжал мимо двора крестьянина Цуху Джинджолия, бык последнего замычал в сторону князя Эмухвари, по обычаю это считалось дурной приметой. Вместо того, чтобы ударить быка плетью, как полагалось в таких случаях, князь изрубил его шашкой. В это время крестьянина дома не было. Вернувшись домой и узнав о случившемся, он пошел к князю и обратился к нему со словами:

— Ты, вскормленный грудью крестьянки, моей сестры, изрубил моего рабочего быка, что я теперь буду делать?

За такие слова, которые напоминали Хаджимбею неприятные минуты с быком, он стал хлестать крестьянина плетью и настолько рассвирепел, что исполосовал всю спину Джинджолия. Окровавленный Джинджолия вернулся домой, взял кремневку и убил князя.

Другой князь из села Мухури Манча Ачба публично высек крестьянина Гогуа за то, что тот стал выгонять со своей поляны, засеянной абыстой (просом), скаковых лошадей князя. Этот крестьянин также убил князя и скрылся...

Престарелые Реджеб Хахубия, Шач Чукбар и лыхненские старики рассказывают о налоговом бремени в старое время.

— Теперь, — говорят они, — многие крестьяне отделываются от государственного налога стоимостью двух-трех кур, а раньше, когда князю нужно было взыскать с крестьянина одного козла или барана, то это обходилось крестьянину в 1—2 быка...

К крестьянину Аквсы Солмаква однажды пришли четыре княжеских сборщика. По обычаю их нужно было угостить, для чего следовало зарезать на их глазах скотину, так как они не должны были довольствоваться

скотиной, резанной до их прихода. Солмаква всегда возмущался этим обычаем и призывал крестьян восстать против такого разорения. Он предложил сборщикам покушать мясо быка, резанного утром. Но они сочли это за оскорбление и настояли, чтобы Солмаква зарезал облюбованную ими жирную корову. Крестьянин вынужден был уступить требованиям княжеских сатрапов. Он целиком сварил эту корову, разделил все мясо между четырьмя сборщиками, взвел на них кремневку и приказал съесть всю корову, чего, конечно, четыре человека не в силах были сделать. Тогда Солмаква нагрузил на них остаток мяса и, не опуская взведенного ружья, отвел их во двор владетеля, где и поднял скандал. Владетель рассвирепел на Солмакву и приказал убить его.

Старики Шамугия, Кварацхелия и Габуния дали много интересного материала по истории скитаний крестьян нынешних сел Акапа и Анастасьевское, ушедших от невыносимых притеснений князей из Мингрелии.

Так было раньше при царях, князьях, помещиках.

Как это не похоже на сегодняшнюю советскую действительность!

Советская Абхазия, 1935, 2. I.

СОДЕРЖАНИЕ

О ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ
(Биографический очерк) 3

СТАТЬИ 25

СИМОН БАСАРИА
Абиографиатэ очерк, астатиакуа
урысшэала

სიმონ ბასარია
ბიოგრაფიული ნარკვევი, სტატიები
რუსულ ენაზე

СИМОН БАСАРИЯ
Биографический очерк, статьи

Редактор Л. Е. Аргун, художник Л. И. Евменов, художественный редактор П. Г. Цквитария, технический редактор Л. И. Евменов. Корректор Ж. И. Гублиа, выпускающий Т. С, Ашхараа

Сдано в набор 18.09.1984 г. Подписано к печати 28.11.1984 г. ЭИ00248. Формат 70 x 108$^{1}/_{32}$. Типогр. бумага № 3. Гарнитура литературная. Высокая печать. Физическ. печ. л. 1,88. Усл. печ. листов 2,63. Усл. кр. отт. 2,71. Уч.-изд. л. 2,42. Тираж 1000 экз. Заказ № 7012. Цена 10 коп.

Издательство «Алашара», Сухуми, ул. Ленина, 9.

Сухумская типография им. Ленина Управления по делам издательств, полиграфии и книжной торговли при Совете Министров Абхазской АССР. Сухуми, ул. Ленина, 6.

1000 р.

Цена 10 коп.